

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА

аспирант, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

katja.zaharova@mail.ru

СЛАВЯНСКИЕ СУФФИКСЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ*

Рассматривается ряд наиболее продуктивных суффиксов, имеющих славянские корни и использовавшихся для адаптации иноязычных названий географических объектов к русской топосистеме Восточного Обонежья. В топонимии исследуемой территории, представляющей собой западную окраину Русского Севера, выделяется значительный пласт субстратных названий прибалтийско-финского и саамского типа, которые являются наследием этносов, некогда населявших данную территорию. Среди названий нерусского происхождения выделяются топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (р. Водлица, р. Тамбица, о. Мяндовец, зал. Мутовец, дер. Кипров Наволок, дер. Патрова, оз. Артovo, оз. Хомино, дер. Коркила с вариантом Коркиниччи и др.). Однако из значительного количества зафиксированных в топонимии исследуемого региона суффиксов, свойственных русской топосистеме, лишь часть сочетается с иноязычными основами (-ица/-ец, -ов/-ев, -ин, -ичи/-ицы), при этом они присущи объектам, имеющим более широкую сферу употребления (наименованиям населенных мест и рек) и подвергшимся русской адаптации в первую очередь. Продуктивность суффиксов варьируется в зависимости от территориальных и хронологических рамок бытования.

Ключевые слова: Восточное Обонежье, субстратная топонимия, суффиксальные модели, адаптация

Восточное Обонежье – северорусская территория, занимающая пространство от восточного берега Онежского озера до верховий р. Онеги и объединяющая земли вокруг озер Водлозеро и Кенозеро, в разное время входившие в состав Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии. Как историко-культурная зона Восточное Обонежье сложилось вдоль исторических транзитных путей, по которым вслед за прибалтийско-финским (вепсским) населением (которое, в свою очередь, соприкоснулось здесь с неким древним этносом или этносами саамского типа) продвигались новгородцы, осваивая северные земли и ассимилируя местное население. Именно здесь, по реке Водле и ее притокам, через оз. Кенозеро и далее по реке Онеге проходил когда-то путь из Новгорода в Поморье по одному из известных северных волоков – Кенскому волоку, описание которого содержится в Писцовой книге Обонежской пятини 1563 года¹. Таким образом, Восточное Обонежье относится к зонам раннего освоения и ранних межэтнических контактов, что не могло не отразиться в языке, материальной и духовной культуре, а также топонимии данного региона.

Топонимический материал Восточного Обонежья, основу которого составляют данные Национальной топонимической картотеки Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, материалы Национального архива РК, а также картографические источники, богат и многослойен, он насчитывает

около 20 000 топонимов, треть из которых – географические названия с нерусскими истоками.

Субстратная топонимия исследуемой территории (как и Русского Севера в целом) представлена следующими структурными типами [5; 163]: собственно субстратные топонимы с субстратными основой и формантом (*Илекса, Хабанья, Отовжа, Сомбома, Кена* и др.); топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (*Варнаволок, Вахкамох, Венегора, Габостров, Харагозеро* и др.), иногда в качестве детерминанта выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника (*Габлахта, Гойпахта, Войнасалма*); а также топонимы, характеризуемые субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (*Тамбица, Хайновец, Чережиха, Артово, Хилкина* и др.). Последняя группа самая малочисленная из обозначенных выше, что позволяет сделать вывод о незначительной продуктивности суффиксации как способа интеграции субстратной топонимии в русскую топосистему, по сравнению с прямым усвоением и калькированием, в противоположность русской топонимии, где это один из наиболее распространенных способов словообразования [8; 183].

Из значительного количества зафиксированных в топонимии исследуемого региона топонимических суффиксов, свойственных русской топосистеме, лишь часть сочетается с субстратными основами: -ица/-ец, -ов/-ев, -ин, -ичи/-ицы и др.

Суффиксы *-ица* и *-ец* относятся к древним славянским суффиксам, функцией которых было образование существительных с диминутивной семантикой. Они в основном представлены в наименованиях рек, ручьев, островов, заливов, мысов и угодий, при этом продуктивны в названиях, образованных от имен нарицательных и топонимов [2; 64]. Изначальная диминутивная семантика суффиксов, возможно, сохранилась в следующих топонимах: *р. Водлица* (ср. р. Водла), *р. Вохтомица* (р. Охтома), *руч. Шортомец* (р. Шортома), в последнем примере суффикс *-ец*, очевидно, тождественен суффиксу *-ица* и представляет собой его мужской вариант. Возможно, в этот же ряд вписывается и название острова *Нюрица/Нюрича* (саам. pjuorrgâ, ïügg ‘подводный камень; мель’ [11]) в противоположность многочисленным островам с названиями Нюра, Нюры, Нёра.

В основах топонимов, оформленных суффиксами *-ица* и *-ец*, может отражаться характеристика воды или почвы: *зал., мыс Мутовец* (кар. muta, вепс. muda ‘муть, ил’ [10], [1]), уг. Чуроватица (кар. čiurgi, вепс. čiuru, čuur ‘крупный песок, гравий, дресва’ [10], [1]); растительности, произрастающей в непосредственной близости или на самих называемых объектах: *р. Горменица/Хорменица* (кар. hormta, hormtu ‘кипрей, иванчай’ [10]), *руч. Хайновец* (кар. heinä, вепс. hein ‘трава, сено’ [10], [1]), *о. Кузовец* (кар. kuuzi, вепс. kuz’ ‘ель’ [10], [1]), *о. Мяндовец*, уг. Мяндовцы (кар. mänty, вепс. mänd ‘мяндовая сосна, сосна на болоте’ [10], [1]); встречаются и названия животных: *г. Мигрец* (кар. mägrä, вепс. mägr ‘барсук’ [10], [1]), в последнем примере топоним, вероятно, помечает место обитания промыслового животного.

Продуктивность данной суффиксальной модели в Восточном Обонежье неодинакова – ареал функционирования охватывает территории, расположенные вдоль водно-болотовых путей (путей раннего новгородского освоения), в отдалении от которых рассматриваемые суффиксы не обнаруживаются. Выявленный ареал соотносится с ареалом функционирования рассматриваемой модели и в русской топонимии. Поскольку суффиксы *-ица*, *-ец* представляли заметную величину на русском Северо-Западе, особенно в Псковской и смежных землях [9; 72], можно предположить, что их появление в Восточном Обонежье связано с новгородским освоением северных земель, где они начинают использоваться и для адаптации иноязычных названий к русской системе именования географических объектов.

Одними из самых распространенных в славянской топонимии, благодаря выполняемой функции выражения принадлежности, являются суффиксы *-ов/-ев*, *-ин* [9; 69], представленные в основном в названиях населенных пунктов

и сельскохозяйственных угодий. В основах топонимов такого типа логично усматривать прибалтийско-финские антропонимы, поскольку в именовании подобных объектов в относительно развитых аграрных зонах доминировал владельческий принцип [2; 64]. И действитель но, ряд топонимов восходит к карельским вариантам русских православных имен: *дер. Кипров Наволок*, бывш. дер. Кипрово, уг. Кипров Мыс: кар. Kibra, Kibri, Kibro (i), Kibru – рус. Киприан [12; 253]; *дер. Патрова/Патровская*: кар. Patto (i) – рус. Патрикей, Патракей; *оз. Артово*: кар. Arto (i), Artto (i) – рус. Артемий, Артем [14; 51, 62], уг. Настова: кар. Nasta, Nasto (i) – рус. Анастасия или Анастасий [14; 101]; *оз. Хомино*: кар. Homa – рус. Фома [13; 189]; уг. Хилкина: кар. Hilkka, Hil (k) ko (i), Hil' (k) ko (i) – рус. Филипп [14; 114] и др.

Посессивность данной модели сохраняется и в следующих, уже неантропонимных названиях: *лес*, уг. Канзово (кар. kansa, вепс. kanz ‘семья, группа людей, народ’ [10], [1]), уг. Пойкино, руч. Пойкин (кар. poika, вепс. poig ‘сын, мальчик’ [10], [1]), уг. Пирхово (возможно, от кар., вепс. regeh ‘семья’ [10], [1]), г. Акова (кар. akka, вепс. ak, akk ‘жена, старая женщина’ [10], [1]), *оз. Ноидово* (кар. noita, вепс. noid ‘колдуны, ведьма’ [10], [1]) и др.

Согласно И. И. Муллонен, популярность модели *-ов/-ев*, *-ин* со временем привела к ослаблению ее посессивной и приобретению так называемой топонимической функции [8; 186]: *оз. бол. Мяндово, бол. Мяндов Мох* (кар. mänty, вепс. mänd ‘мяндовая сосна, сосна на болоте’ [10], [1]), бол. Равково (кар. rahka-, rahkasuo, rahkasammal ‘торфяной мох, сфагnum’ [10]), уг. Каскино (кар. kaski, kaški, вепс. kas’k ‘подсека, пожог’ [10], [1]) и др.

Среди названий субстратного происхождения, оформленных суффиксом *-ов*, выделяется группа водлозерских ойконимов (часть из них восстанавливается из ранних письменных источников), примечательных тем, что, помимо прибалтийско-финского (порой нехристианского) антропонима в основе, они содержат прибалтийско-финский локативный суффикс *-ла*. Иначе говоря, в основе ойконима Кургилово реконструируется прибалтийско-финский оригинал *Kurgila, где *-la* – приб.-фин. суффикс с семантикой места, а Kurki/Kurg – приб.-фин. нехристианское имя, прозвище первопоселенца. В этот же ряд входят следующие ойконимы: *дер. Вачелово/Вачалово* (возможно, из кар. Vatsa, Vatsei, Vatsi, Vatso (i), Vatše, Vatšoi – Василий, Вася [14; 138]), *дер. Дешалово* (возможно, из кар. Deša, Dešoi – рус. Ефим), «дер. на Иголове горе»² (<приб.-фин. антропоним Iha), д. Бостилево и др. Часть из приведенных выше названий идентична ойконимам, представленным на исконных вепсских территориях в Присвирье,

где данная модель была очень продуктивна [6]. Примечательно, что на Водлозере (как и в Присвирье) для адаптации субстратных ойконимов с *-l*-овым топоформантом, кроме модели *-ово*, использовалась русская модель с суффиксом *-ичи/-ицы* (*Коркила / Коркиничи; Пытилова / Пытилиницы; Гольяницы*), восходящая к праславянскому ойконимному форманту **-itji* [4]. Судя по карте бытования, модель *-ичи/-ицы* распространилась в Присвирье и Обонежье по маршруту, который шел из Поволжья и связан с Ладогой как центром освоения. При этом данный тип начал здесь функционировать прежде всего как модель для адаптации неславянских ойконимов с *-l*-овым топоформантом, обозначающим место проживания.

Но в отличие от Присвирья, где модель обладает исключительной продуктивностью, здесь, на северо-восточной окраине ее ареала, взаимосвязь между прибалтийско-финской *-l*-овой моделью и русским типом *-ицы/-ичи* не столь очевидна, что, видимо, свидетельствует о периферийном расположении, привязанном к транзитному водному пути по р. Водле.

Существование в одном ареале двух суффиксов (*-ово* и *-ичи/-ицы*), адаптирующих названия нерусского происхождения к русской топосистеме, наводит на мысль о разных путях их проникновения, а возможно, и времени функционирования в Водлозерье.

Видимо, модель *-ичи/-ицы* приходит в Восточное Обонежье с вепсских территорий вместе с потоком новгородского освоения, происшедшего в первой половине II тыс. н. э. Что касается суффиксальной модели *-ово*, используемой в той же функции ее появление здесь, видимо, связано уже с низовской московской колонизацией.

Что касается других суффиксов, то они не получили широкого распространения в Восточном Обонежье в приложении к субстратным основам и присутствуют главным образом в наименованиях сельскохозяйственных угодий. Часть гео-

графических названий перешла в топонимическое употребление из апеллятивной диалектной лексики:

-иха: уг. *Ениха/Енихи* (возможно, восходит к приб.-фин. основе **enä* ‘большой’), *мельница Череjиха* (<**Тережиха*) стояла на руч. *Череjишиный* (от кар. *törisijä* ‘журчаший’ < *tögristä* ‘ журчать’, продуктивная карельская топонимная модель для называния ручьев, небольших рек [3; 306–307]);

-ушк: р., руч. *Лумбушка* (саам. **lombal* ‘маленькое внутреннее озеро, через которое течет река’), уг. *Нитушки* (кар. *nitty*, вепс. *nít* ‘луг, пожня, покос’ [10], [1]);

-ск: бол. *Чеглинское*, руч. *Чеглинский* (субстрат. **čuhl* – ‘угол, тупик’ [7; 296–304]), руч. *Войский* (приб.-фин. *oja* ‘ручей’ с протетическим *v*) и др.

Анализ топонимии Восточного Обонежья показал, что суффиксация как способ интеграции субстратных топонимов в систему русских географических названий малопродуктивен – большая часть иноязычных названий перешла в русское употребление в результате прямого усвоения либо в виде полукалеч, что, в свою очередь, может быть свидетельством длительных контактов русского и прибалтийско-финского населения, в результате которых последние сменили самосознание, растворившись в русской среде. Непродуктивные в прибалтийско-финской оригинальной топонимии суффиксальные модели оказались невостребованными и в ходе адаптации иноязычных наименований к русской топосистеме. Суффиксация коснулась прежде всего названий поселений и рек как наиболее важных объектов, имеющих широкую сферу употребления на этапе славянского освоения края.

Ареальная характеристика функционирования определенных суффиксальных моделей и данные письменных источников позволяют делать выводы о путях и времени освоения славянами территории Восточного Обонежья.

*Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Электронная топонимическая карта Олонецкой Карелии» (программа фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики») при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский; г. – гора; дер. – деревня; зал. – залив; кар. – карельский; о. – остров; оз. – озеро; пастб. – пастбище; приб.-фин. – прибалтийско-финский; р. – река; рус. – русский; руч. – ручей; саам. – саамский; спр. – сравни; уг. – угодье

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Писцовые книги Обонежской пятини 1496 и 1563 гг. Л., 1930. 290 с.

² Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археограф. Вып. 2. М., 1972. 463 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 747 с.
- Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. 341 с.
- Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

4. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 45–72.
5. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. И. Екатеринбург, 2001. 345 с.
6. Муллонен И. И. очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
7. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 241 с.
9. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва: Наука, 1965. 179 с.
10. Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOU. 200. Helsinki, 1989. 180 с.
12. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylänimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
13. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö // Karjalaisen Kulttuurin Edistamisäätiön julkaisuja. Joensuu, 1975. S. 189.
14. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. Helsinki, 1976. S. 43–172.

Zakharova E. V., Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
(Petrozavodsk, Russian Federation)

SLAVIC SUFFIXES IN THE SUBSTRATE TOPOONYMY OF EASTERN OBONEZHJE

The paper deals with some of the most productive suffixes of Slavic origin used for the adaptation of geographical names of non-Russian origin to the Russian toponymic system of Eastern Obonezhje. In the toponymic system of the study area, which is the western margin of the Russian North, there is a number of substrate place names of Balto-Finnic and Saami type, which are a legacy of the ethnic groups that had once inhabited the territory. In the substrate toponymy there is a number of place names with a substrate stem and affix (es) of Russian origin (R. Vodlitsa, R. Tambitsa, I. Myandovets, B. Mutovets, Vlg. Kiprov Navolok, Vlg. Patrova, L. Artovo, L. Homino, Vlg. Korkila with one Korkinichi, etc.). A number of suffixes have been identified in the toponymy of the region, but only some of them can be combined with the foreign-language base morpheme (-itsa/-yets, -ov/-yev, -in, -ichi/-itsy). They are present in the names of objects that have a broader scope of use (names of settlements and rivers), and were subjected to Russian adaptation the earliest. The productivity of suffixes is variable due to specific functioning, spatial and chronological scope of existence of certain suffixation models.

Key words: Eastern Obonezhje, toponymic substrate, suffixation models, adaptation

REFERENCES

1. Zaitseva M. I., Mullenon M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Vepsian language dictionary]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 747 p.
2. Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangelskogo Pomor'ya* [Substrate toponymy of the Arkhangelsk Pomorje]. Ekaterinburg, 2011. 341 p.
3. Kuzmin D. V. Karelian traces in the toponymy of Zaonezhje [Karel'skiy sled v toponimii Zaonezh'ya]. *Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ryabininskiye chteniya – 2003»* [Local traditions in folk culture of the Russian North. Proceedings of the 4th International Scientific Conference «Ryabininskiye Readings – 2003»]. Petrozavodsk, 2003. P. 303–307.
4. Kupchinskij O. A. The oldest Slavic toponymic types and some aspects of the settlement history of eastern Slavs [Drevneye slavyanskie toponimicheskie tipy i nekotorye voprosy rasseleniya vostochnykh slavyan]. *Slavyanskie drevnosti: Etnogenet. Material'naya kul'tura Drevney Rusi* [Slavic antiquities. Ethnogeny. The material culture of Ancient Russia]. Kiev, 1980. P. 45–72.
5. Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Vol. I. Ekaterinburg, 2001. 345 p.
6. Mullenon I. I. *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on the Vepsian toponymy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 157 p.
7. Mullenon I. I. *Toponimiya Prisvir'ya: Problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of Prisvirje: Problems of ethnolinguistic contacts]. Petrozavodsk, 2002. 356 p.
8. Mullenon I. I. *Toponimiya Zaonezh'ya: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami* [The toponymy of Zaonezhje: Dictionary with historical and cultural comments]. Petrozavodsk, 2008. 241 p.
9. Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 179 p.
10. Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOU. 200. Helsinki, 1989. 180 с.
12. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylänimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
13. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö // Karjalaisen Kulttuurin Edistamisäätiön julkaisuja. Joensuu, 1975. S. 189.
14. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. Helsinki, 1976. S. 43–172.

Поступила в редакцию 07.10.2013